

УДК 82.02(091)

ВЕЧНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ РОМАНТИЗМА**О. С. Карандашова**Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматривается вечность как одно из центральных понятий романтизма; анализируется специфика восприятия и изображения вечности в раннем и позднем романтизме; показывается эволюция оппозиции «вечность / мгновенье» в романтическом мировосприятии на материале русской и зарубежной художественной литературы.

Ключевые слова: романтизм, романтическая литература, вечность, мгновенье, художественное время, эволюция романтизма.

Вечность – категория, принципиально значимая в романтизме; это одна из абсолютных ценностей романтического мироощущения, это мерило и точка отсчета, из которой вытекают все остальные компоненты романтического мировидения. По сути, весь романтизм есть стремление к вечности.

Конечно, романтизм – явление сложное, многогранное и разнородное. Однако можно говорить об общеромантических философских установках, характерных для романтического мировосприятия в целом.

Так, в раннем романтизме, для которого характерно оптимистическое мироощущение, понимание мира как гармонии, оппозиция «времени» и «вечности» лишена, по сути, оппозиционных отношений, так как во всем конечном, оформленном, временном угадывается бесконечное, универсальное, вечное. Эта мысль высказана в стихотворении У. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность, / Огромный мир – в зерне песка, / В единой гостии – бесконечность, И небо – в чашечке цветка» (перевод С. Я. Маршака).

Для раннеромантического сознания мир представляется прекрасным, гармоничным творением, где все элементы находятся в гармонии с целым, где каждая частица вмещает в себя весь мир. Причем гармония является для ранних романтиков универсальной силой, охватывающей всё мироздание. По словам Н. А. Гуляева, раннеромантическое сознание «выражало восторг, изумление как бы перед заново открытым миром, который... представал в новом единстве и цельности» [2, с. 52]. Личность в раннем романтизме верила в «гармонию всех вещей» и вступала в их «великий союз». «Все мы – во всём!» – радостно восклицает Новалис во «Фрагментах» [7, с. 16]. «Всё во мне – и я во всём!» [9, с. 127] – подхватывает эту мысль Ф. И. Тютчев.

Произведения ранних романтиков исполнены пафоса великого союза и синтеза, беспредельности и красоты мира, открывающейся человеку в каждой его частице, порыва к вечности, ощущением восторга бытия.

В литературоведении утвердилась мысль о том, что центральной пространственно-временной оппозицией романтизма является оппозиция «конечное / бесконечное». «Конечное» есть малое по объёму, величине, замкнутое, временное, имеющее границы, воплотившееся в конкретной материальной форме, определенное. В

«бесконечном» же всё поставлено под знак непрерывной изменчивости, неуловимости, движения; «бесконечное» не имеет предела, границы, воплощения, оно являет собой некий универсальный синтез, духовное, вечное.

Однако в раннем и позднем романтизме эта оппозиция имела свою специфику.

В раннеромантической системе воззрений всё малое, материальное, конечное, ограниченное в пространстве и времени – миг, точка – все, имеющее границы, есть одновременно и бесконечное, необъятное, всеобщее, духовное, вечное. Говоря словами В. А. Жуковского, «всё необъятное в единый вздох теснится» [3, с. 337].

При этом очевиднее всего эта идея воплощается в природе. Характерны для романтиков слова героя романа Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда», восторгающегося красотой и величием природы: «Я слушаю, я слышу, как предвечный мировой дух с мастерским совершенством ударяет по струнам устрашающей арфы, рождая своей игрой всё многообразие явлений, на крылах духа разносящихся по всей природе. А восторг маленького человеческого сердца хочет вмешаться в эту игру и изнемогает в поединке с величайшим духом, который спокойно и красиво правит всей природой... О, вы, глупцы, полагающие, что вы можете приукрасить всемогущую природу... Единственное, что в ваших силах – дать нам некое слабое представление о природе, в то время, как сама природа даёт нам представление о божестве» [8, с. 136]. Роман Л. Тика изобилует восторженными описаниями природы, но данный отрывок показателен ещё и тем, что в нём утверждается безмерная мощь и божественное начало природы. Божество присутствует в природе, что придаёт ей статус вечности. Природа в романтизме торжественна, величественна, одухотворена. Нелепо предпринимать попытки приукрасить природу, так как она сама совершенство красоты, в ней самой присутствует мировой дух, правящий ею. Так или иначе эта мысль высказана в огромном количестве романтических произведений. Например, в стихотворении В. А. Жуковского «Невыразимое»: «Что наш язык земной пред дивною природой? / С какой небрежною и лёгкою свободой / Она рассыпала повсюду красоту / И разнородное с единством согласила! / Но где? Какая кисть её изобразила? / Едва-едва одну её черту / С усилием поймать удастся вдохновенно...» [3, с. 336].

Поэтому человек тянется к природе, желая постичь вечность, проникнуться гармонией бытия, вечная душа пытается слиться с вечной природой. Как в лирике Ф. И. Тютчева. Например, в стихотворении «Тени сизые смешались...»: «Мотылька полёт незримый / Слышен в воздухе ночном... / Час тоски невыразимой! / Всё во мне – и я во всём! // Сумрак тихий, сумрак сонный, / Лейся вглубь моей души...» [9, с. 127]. Человек, находящийся в гармонии с природой, настроенный на восприятие её музыки и очарования, распахнувший для неё своё сердце, имеет возможность постичь красоту мира, многообразие явлений жизни, ощутить восторг бытия, осознать целокупность жизни и присутствие божества. В том же произведении Тика Штернбальд и Рудольф «пришли в восторг, взглянув с холма на буйную роскошь цветения. Сердце ширилось у них в груди, они словно народились на свет, точно магнетической силой влекла их любовь к небу и земле» [8, с. 108]. И даже мятежный лирический герой М. Ю. Лермонтова смягчается и открывает душу навстречу гармонии и божеству в мгновения общения с природой в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...»: «Тогда смиряется души моей тревога, / Тогда расходятся морщины на челе, / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу бога!» [6, т. 1, с. 15].

В романтизме через природу универсум, хотя и невидимый, становится внутренним зрением прозреваемым. Поэтому так часто романтики предлагают «всмо-

треться» в природу, в мир, окружающий человека [4]. Так, Н. В. Гоголь в «Майской ночи» призывает открыть душу божественной природе и посмотреть на привычное взглядом первооткрытия: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! <...> Весь ландшафт спит. А сверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь!» [1, с. 87].

Как верно отмечено И.В. Карташовой, «созданная в ранний период система жизненных и духовных ценностей оказалась важнейшей и необходимой гранью романтического идеала вообще. В дальнейшем, пережив много разочарований... романтики не станут сомневаться в их “абсолютной” ценности, будут продолжать страстно их утверждать» [5, с. 63], – хотя в поздний период развития романтизма идеалы приходят в столкновение с действительностью. Мир, казавшийся ранним романтикам таким гармоничным и целесообразным, предстаёт для поздних романтиков в совершенно ином свете. Становится непонятным, дисгармоничным, отчего рождается тоска о несостоявшемся идеале. Целостный когда-то мир распадается, раскалывается на два мира, друг другу противостоящих: это уже мир «абсолютного двоимирия», мир конечного и мир бесконечного, мир реальности и мир идеала, мир материальный и мир духовный, мир здесь и мир там, мир временный и мир вечный.

Поздний романтизм, так же как и ранний романтизм, утверждает духовное, понимаемое как бесконечное, в качестве высшей ценности, но, в отличие от раннего романтизма, отказывает в этом конечному, реальности, историческому, «здешнему» бытию. В позднеромантическом миропонимании возникают дисгармоничные, оппозиционные отношения между «конечным» и «бесконечным», отношения противопоставления. Раннеромантическое «бесконечное» потому и бесконечно, что в нем снимаются границы между явлениями; в сущности каждое явление заключает в себе все мировые явления. В позднеромантической же картине мира на смену раннеромантическому синтезу приходит распад «конечного» и «бесконечного», материи и духа.

В то же время, противопоставляя «бесконечное» и «конечное» как норму и антинорму, поздний романтизм мыслит мир как их нерасторжимое единство; будучи миром абсолютного двоимирия, он един как структура. Позднеромантический мир в этом смысле – «мир единства антитез, единства этических и эстетических полюсов, друг без друга невозможных, но друг с другом не сливающихся» [10, с. 279]. Таким образом, идеал цельности, универсализма, гармонии остаётся, но достижение его в позднем романтизме признаётся невозможным, отчего возникает тема трагической обреченности. Романтическая личность в этот период ощущает себя безгранично одинокой, замкнутой в границы обыденного, томится по миру иному, свободному, безграничному. Подобная тоска, глубокое разочарование в действительности нередко проецируется на весь мир, на всю вселенную, достигая размеров «мировой скорби». Иллюстрацией может служить практически вся лирика М. Ю. Лермонтова (до 1836 г. точно); в качестве яркого примера вспомним стихотворение «Ангел»: «По небу полуночи ангел летел, / И тихую песню он пел... <...> Он пел о блаженстве безгрешных духов / Под кущами райских садов; / О боге великом он пел, и хвала / Его непритворна была. / Он душу младую в объятиях нёс / Для мира печали и слёз. <...> И долго на свете томилась она, / Желанием чудным полна; / Но звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [6, т. 1, с. 205].

Эти принципиальные сдвиги в мироощущении проявились в произведениях Н.В. Гоголя [4], где вечная Диканька трансформируется в Миргород (целый мир сужается до города и огораживается многочисленными заборами), где величественный Днепр, до середины которого долетит «редкая птица», превращается в миргородскую лужу... Поэтому вполне закономерный вздох вырывается из уст рассказчика: «Скучно на этом свете, господа!»

Список литературы

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 374 с.
2. Гуляев Н. А., Карташова И. В. Введение в теорию романтизма. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1991. 93 с.
3. Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Стихотворения. М. ; Л. : Худож. лит., 1959. 480 с.
4. Карандашова О.С. Художественное пространство «украинских» сборников Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») : учеб. пособие по спецкурсу. Тверь : Научная книга, 2005. 116 с.
5. Карташова И. В. Гоголь и романтизм : дис. ... докт. филол. н. : 10.01.01 / И. В. Карташова ; Калининск. гос. ун-т. Калинин. 1982. 376 с.
6. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1957.
7. Новалис. Фрагменты. М. : Лирень, 1914. 32 с.
8. Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. М. : Наука, 1987. 360 с.
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1987. 448 с.
10. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига : Зинатне, 1988. 567 с.

ETERNITY IN THE LITERATURE OF ROMANTICISM

O. S. Karandashova

Tver State University
the Department of the history of Russian literature

The article discusses the eternity as one of the central concepts of romanticism. The specifics of the perception and manifestation of eternity in the early and late romanticism is analyzed. The evolution of the opposition “eternity / moment” in the romantic world-view is shown on the material of Russian and foreign literature.

Keywords: *romanticism, romantic literature, eternity, moment, art time, evolution of romanticism.*

Об авторе:

КАРАНДАШОВА Ольга Святославовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: novak1@mail.ru.

About the author:

KARANDASHOVA Olga Svyatoslavovna – candidate of Philology, associate Professor, head of the Department of the history of Russian literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: novak1@mail.ru.